

РУССКАЯ МЕЧТА

В 1989 году я написал статью "Трагедия централизма", в которой, анализируя явления горбачёвской перестройки, предсказал близкий распад Союза, уничтожение советской цивилизации, кровопролитие и хаос на всём пространстве гибнущего красного государства. Сегодняшние события вынуждают меня вновь взяться за перо и написать работу "Трагедия централизма—2019".

Поворачивается трагическое кольцо русской истории. На наших глазах происходит вековая русская драма разрушения централизма, который удерживает вместе гигантские пространства, множество народов, языков, культур, обеспечивает существование России как целого. Либерализм Ельцина, расчленившего Советский Союз, после 1991 года продолжал своё разрушение на территории оставшейся России, которая на глазах распадалась. На смену ельцинскому либерализму явился централизм Путина, который жёстко, военными, организационными, идеологическими способами вновь восстановил единство России, обеспечил её движение в истории.

Александр ПРОХАНОВ ТРАГЕДИЯ ЦЕНТРАЛИЗМА—2019

Наряду с либеральным укладом стал возникать и крепнуть новый уклад — патриотический, собирая в свои ряды сторонников сильного централистского государства, предлагаа модели его развития в экономике, культуре и геостратегии. Однако в недрах путинского централистского государства сохранились мощные очаги ельцинизма. Как дремлющие метастазы, либеральная опухоль разрасталась, готовя реванш — Перестройку-2. Первая проба сил состоялась в 2011 году на Болотной площади, когда либералы, организованные политическим центром, управляемые либеральными СМИ, вышли на площадь, требуя пересмотра думских выборов — и фактически требуя устранения президента Путина. На пути Болотной атаки встала Поклонная гора, заслонила драгоценное государство. Болотные митинги и демонстрации были разогнаны силой, лидеры арестованы. Либеральная гнибница, недалеко обнаружив себя, вновь ушла в глубину. Метастазы остались, давали о себе знать множество либеральных инициатив, которые охватывали всё большие круги гуманитарной интеллигенции, науки и бизнеса.

Открытие "Ельцин-центра" в Екатеринбурге стало символом возрождающегося ельцинизма. Либеральным оставалось правительство, возглавляемое премьер-министром Медведевым. Либеральным оставался экономический блок правительства, проводящего курс в экономике, который привёл Россию к упадку и стремительному обогащению банкиров и олигархов.

Путинский централизм не реагировал на угрозу либерального реванша и продолжал своё триумфальное шествие, увенчанное возвращением Крыма в Россию. Это был триумф президента Путина, и демонстрировал, казалось, необратимое укрепление централистского государства Российской.

Солнце Крыма просияло недолго и начало быстро тускнеть. Крым, объединяющий вокруг Путина огромный массив населения, переставал быть консолидирующим фактором. Ожидаемое развитие не наступило. Провозглашённый Путиним рынок не совершился. Вместо развития и духовного очищения российского общества на первый план выступал пиар, имитация, которая превратила внутреннюю политику государства в фальш-панель. Остановившийся в движении самолёт падает. Остановившееся в своём развитии государство демонстрировало слабость централистской политики и побуждало либералов к активным действиям. Приближалось время схватки и пробы сил.

Этой пробой стал казус "Голунов", когда либеральному журналисту силовиками были подброшены наркотики, и он был отправлен в тюрьму. На защиту Голунова поднялась гуманитарная общественность, управляемая либеральными радиостанциями и газетами, открытыми и закрытыми оппозиционными центрами, существующими во всех регионах России. Голунова отбили, вырвали из тюрьмы, из рук полиции, государство осудило силовиков, ФСБ и полицию, отдало их на растерзание общественного мнения. Это было очевидным отступлением власти. Это отступление трактовалось как несомненная победа либералов и слабость государства. А в среде силовых структур расценивалось как горбачёвское предательство: тот тип предательства, когда силовые структуры Советского Союза, армия и милиция, бросались на подавление демонстраций с согласия Горбачёва, а потом Горбачёв отступал, не брал на себя ответственность за жестокие подавления, "умывал руки", а силовики подвергались чудовищному осуждению будущей либеральной среды. Деморализованная советская армия и милиция проявили свою неспособность к действиям в августе 1991 года. В случае Голунова победа либералов над властью казалась ничтожно малой, однако являлась проломом в монолите власти, и в этот пролом оснащённые стратегией либералы нанесли разящий удар.

Выборы в Мосгордуму стали полем боя не конкурирующих между собой кандидатов, а путинского централизма с либеральной оппозицией. Длющиеся неделями демонстрации, молодёжь, идущая на несанкционированные митинги и шествия, попадающая под удары полицейских дубин под камеры репортёров всех мастей, русских и зарубежных, — это была мощная стратегия, где каждый удар полицейской дубинки лишь консолидировал либеральные массы и втягивал в воронку протеста всё новые и новые контингенты. Где каждый видеоролик, рассказывающий о жёстком действии силовых структур, настраивал народ против власти, давал повод иностранцам, в том числе американским сенаторам, на весь мир провозглашать бесчеловечность и нелегитимность путинского строя.

В протестных митингах эти недель участвовали не только либералы, но и коммунисты, русские националисты, множество других мелких и крупных общественных и политических сил, и стиралась чёткая грань между либеральным и патриотическим. Было похоже, что Болотная площадь сливается с Поклонной горой. Власть, разогная протестные митинги и шествия, использовала опыт усмирения Болотной: жёсткие подавления, аресты, молниеносно действующие суды и длительные тюремные сроки.

Однако опыт Болотной на этот раз не удался. Либералы, накопившие громадные силы, двинули их на защиту арестованных протестантов, обвиняя не столько суды и правоохранительные органы, сколько Кремль и самого президента Путина. Один за другим либеральные батальоны вступали в бой. В защиту обвинённых, а стало быть, с осуждением власти и путинской вертикали, выступили сначала правозащитники — этот мощный политический институт, заgrimированный под защитников прав человека. А за ними выступили театралы — громадный сомн режиссёров, которые на деньги государства содержат свои микроскопические театры, что каждый день с каждой постановкой впрыскивают в общество тончайшие эссенции либерализма, формируя среди интеллигенции устойчивые слои скептиков, нигилистов, антисоударственников и антипутинистов. К театрам консолидированно присоединились учителя. Вслед за ними — профессора высших учебных заведений. Следом — либеральные издатели и либеральные писатели, которые являют собой мощный оплот, в сравнении с которым патриотические издатели и писатели выглядят работ и неорганизованно. Особенно важным было заявление духовенства, которое впервые за многие десятилетия, не повинаясь своему церковному начальству, выступило с осуждением власти, что свидетельствовало о глубинном расколе современной церкви и включении церкви в оппозиционный процесс.

Не умолкая, круглые сутки работали либеральные радиостанции и телеканалы. Либеральные блогеры в интернете создавали гигантское информационное поле, в котором жертвы несправедливой судебной системы представляли как мученики беспощадного путинского государства. К этому массивному удару либералов по судебной системе присоединились могущественные мировые СМИ, а также крупнейшие политики и правозащитники Европы и Америки.

Увенчала этот процесс магическая мистерия, именуемая свадьбой Ксении Собчак и режиссёра Богомолова. Мистерия, которая выглядела, как ритуальное убийство, и ритуальной жертвой была сама Россия с её священными кодами, с её куль-

турными и религиозными святынями, с её духовной вертикалью, соединяющей русское сознание с небесными смыслами. Эта свадьба транслировалась всеми центральными телевизионными каналами и приобрела характер общероссийского действия. Эта свадьба была чёрной мессой, которая проходила в храме, где когда-то венчался Пушкин с Натальей Гончаровой. И само это сатанинское, inferнальное, связанное с гробами и катафалками, венчание осекверняло один из важнейших символов русского сознания — Пушкина, который и по сей день находится в центре русского культурного кода. Священник, венчавший светскую львицу с inferнальным режиссёром, словно давал понять, что само венчание осуществлялось с благословения патриарха. Осеквернители прямо из храма отправились к памятнику Владимиру Святого, оставив и на нём свою ядовитую зловонную метку, осеквернив образ Херсонеса и князя-первосвященителя государства Российского.

На свадебном вечере бесстыдница исполнила эротический танец, искусство шевеля бедрами, страстно чмокая ртом. И на это чудовищное уродство взирало всё великосветское общество, где присутствовали люди, близкие к президенту, чиновники администрации, олигархи, кумиры эстрады, вершители дум и либеральных газет и радиостанций. Эта свадьба выглядела как символ современной России, символ победившего либерализма, отрицающего русскую духовную, религиозную и государственную традицию. Эта свадьба должна была погасить ещё робкие, недавно зажжённые светильники русской веры, русского патриотического сознания. Ксения Собчак — крестница президента Путина, претендент на президентское кресло недавно состоявшихся выборов, демонстрировала тотальную победу либерализма и капитуляцию централистской путинской власти.

Власть не выдержала этого натиска и вновь пошла на уступки. Судебные решения были признаны несправедливыми, ошибочными, всё судебское общество, верно и слепо выполнявшее до сих пор любые указания власти, было ошеломлено, власть вновь отдала судей на растерзание общественного мнения. Тень Горбачёва вновь промелькнула, и судьи оказались деморализованными. Тем более что некоторые представители государственной власти, государственных, патриотически ориентированных СМИ, примкнули в своих требованиях справедливости к либералам, и это вновь было ошибкой, указывающей на слабость государства.

Всё это породило и продолжает усиливать цепную реакцию распада. В недрах этого распада маячит ГКЧП — запоздалая, бессмысленная, плохо продуманная акция силовиков, что защищают свой статус, имя, свои состояния, над которыми нависла беда. И в случае нового ГКЧП, как и в случае с прежним, не поможет ни Росгвардия, ни армия, ни ОМОН, которые к тому времени окажутся деморализованы и дезорганизованы. И вряд ли в этих условиях возможна вторая Поклонная гора, ибо патриоты чувствуют себя обманутыми и отданными на растерзание либералов-победителей. Грядёт разрушение централизма, хаос и распад государства. Грядут репрессии в отношении государственников-патриотов, как об этом часто говорят радикальные либеральные вожди. Грядёт возвращение Украине Крыма. Грядёт тотальное разрушение и уничтожение научно-технологического уклада, который с таким трудом был восстановлен Путиным после ельцинского разрушения. Грядёт новая кровь на Кавказе, кровь в Поволжье и на Урале, и уже видны те трещины, по которым разлетится на осколки Россия.

С чем может выступить сегодня государственная власть? Не отступать перед натиском либералов, не обнаруживать свою интеллектуальную и организационную несостоятельность, а, напротив, — интеллектуальный и духовный натиск. Обращение к народу с вещими словами "братья и сёстры" способно одухотворить и воскресить народ в час национальной беды. Услышав эти слова, народ позабудет все обиды и ущемления и вновь поднимется на спасение своего государства. Эти слова способны разбудить дремлющие народные коды, которые помогали государству Российскому не упасть в период беды, преодолеть слабость, сокрушить предателя и через все препоны повести государство Российское к грядущему цветению. Вероучение Русской мечты способно вновь вернуть народу отнятую у него мечту. Проект "Очищение", избавляющий сегодняшнее российское общество от всех скверн, от всех чудовищных отходов, которые накопились не только на пригородных свалках, но и в русском обществе, в русском сознании, этот проект не менее важный, чем проект арктический или проект России тихоокеанский.

Власть должна очнуться от летаргии, больше не полагаться на пиар, на внешнюю картинку, которая уже никого не обманывает, а лишь раздражает. Русская государственность, президент Путин имеют в своём арсенале громадные возможности, которыми способны в очередной уже раз развернуть трагический ход истории, остановить то колесо, на котором колесуется наша Родина. Народ ждёт этих слов, ждёт этих деяний, ждёт политической государственной воли, способной сверечь нашу высшую святыню — государство Российское, просиявшее среди трёх океанов.

ВТОРОЙ РАЗ за столетие мы переживаем трагедию централизма. В одночасье, усилиями партий, рухнул монархизм, империя осыпалась нам на голову грудой обломков. В гражданской войне, в горниле социальной утопии, в попытках воссоздать элементарные структуры управления на обширных пространствах, мы потеряли дворянскую элиту, хрупко нарождавшееся гражданское общество, рафинированную культуру и создали вновь централизм тотального сталинского образца. На разрушении централистской идеи и на воссоздании её мы потеряли 60 миллионов своих соотечественников. Теперь мы втроечно волею providения и его земных adeптов вписываемся в эту отточенную, как лезвие, спираль, подставляем свои бритые незащитные шеи.

Разрушение централизма, а вместе с ним государства происходит по выверенному алгоритму, словно вся программа занесена на перфокарту и последовательность операции, её ритмы и сроки, есть результат рациональных, основанных на огромном потенциале усилий.

Вот параграфы этой программы.

Александр ПРОХАНОВ ТРАГЕДИЯ ЦЕНТРАЛИЗМА

ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ

Была сметена интегрирующая социалистическая идеология, исключён из развития коммунистический идеал, отвергнуты стратегические цели, которые из будущего формировали наше настоящее, объединяли нас в общий социум, примиряли противоречия, доставшиеся из прошлого. Этот градущий идеал, отдалённый почти в бесконечность "цель-мечта" — проявлялись в обыденной жизни множеством установок, форм коллективного поведения, скрепляющих нас в единое государство и общество. Истребление идеологии лишило народы общего будущего, вызвало мгновенный рост национальных идей и вер, которые разрывають нас в необратимых центростребных усилиях. Сегодня мы — взорванная, разбгагающаяся галактика с чёрной пустотой в центре.

ПАРАГРАФ ВТОРОЙ

Была предпринята и успешно осуществлена атака на централистские структуры, которые своими жёсткими, негнущимися двуглавыми скрепляли пространственную громаду государства, держали непомерную тяжесть окраин, позволяли в час кризиса концентрировать колоссальный потенциал. Сегодня эти структуры сломаны, и мы превращаемся в груды обломков, где хребты трутся о пустыни, а по равнинам расползаются пропасти.

"Слом командно-административной системы" на практике привёл к разрушению экономики, сделал её абсолютно неуправляемой, породил управленческий хаос, привёл к деградации целых отраслей хозяйства. Сегодня наша экономика — это огромная грохочущая машина с вырванными из пазов валами, содранными колёсами и шестернями. Всё это ещё продолжает греметь и вращаться в коробе государства, но уже ничего не вырабатывает, кроме скрипа и грохота, и никто не решается заглянуть в её истерзанное нутро.

Армия — наднациональная, единый котёл интересов, забот, задач; единая техносфера, единая, пронизывающая всё государство, служба, армия, своей традицией связывающая прошлое с настоящим, старика с юнцом, — гарант стабильности и суверенности. Школа драгоценного централистского опыта, позволявшего не просто выиграть ужаснейшую войну, противостоять давлению великой американской империи, но и осуществить колоссальные научно-технические "программы, толкающие нас в цивилизацию XXI века. Армия сегодня истребляется, как колонны в афганских ущельях. Поджигаются головные и хвостовые машины, и застывшую, утратившую движение махину начинают планомерно сжигать. Парализованный в своих действиях генералитет, доведённые до упомощрачения личный состав и младшее офицерство — превращают армию в недвижную деморализованную громаду, лишают её основных оборонных функций.

Партия, казавшаяся единой, пронизывающая своей нервной тканью всю непомерную мускулатуру страны, примиряющая в своих недрах этнические, сословные, профессиональные, мировоззренческие противоречия, — партия сегодня не может быть консолидирующей силой, ибо сама деконсолидирована, рассечена на отрезки

1991 год. Конец ГКЧП. Борис Ельцин (в компании Виктора Золотова и Александра Коржакова) и неизвестный русский танкист

фракций, наполнена усобицей. "Социал-демократы" стремятся к идеалу либеральных европейских партий. "Неосталинисты" видят путь к стабилизации и развитию через тоталитарный централизм. "Здоровые силы" исповедуют державную социалистическую идею, основанную на гуманистическом, концептуальном централизме. Часть прибалтийских коммунистов склоняется к демохристианству. В Средней Азии партийная форма слабо маскирует клановые организации, аналоги феодально-средневековых сатрапий. Партия, отключённая от власти, лишённая мировоззрения, ввергнутая в мировоззренческий хаос, становится ответчикой за провалы прошлого, нынешний кризис отдаётся на откуп звзвичной общественной истерии, устраняется на глазах с политической арены.

Такова судьба трёх важнейших централистских структур, сгорающих, как бикфордовы шнур, превращаемых в длинные, от океана до океана, прожилки пепла.

ПАРАГРАФ ТРЕТИЙ

Атака на "русский фактор", на Россию, на русское. Государственная природа русского ин-

дивидуального и коллективного сознания, психологический тип русского человека, открытый для межнациональных связей, жертвенность русской экономики, культуры, этноса, способствовавшая созданию государства — всё это подвергается депрессии, отвержению, оскорблениям. Русским внушается комплекс неполноценности, их блокируют, устраивают судилища русской истории, русскому характеру, делают из них ответчиков за "вселенскую катастрофу". Русофобия есть политический инструмент для разрушения многонационального государства, во многом питаемого русской способностью к объединению.

ПАРАГРАФ ЧЕТВЁРТЫЙ

Выход на поверхность экономической жизни громадных, сконцентрированных в частных руках богатств. Легализация криминальных дельцов, получивших возможность грабить незащищённых сограждан, скупать материальные ценности, власть, культуру, формировать политику, создавать общественный идеал, устранять и репрессировать неугодных. Стремительно нарастающее

социальное неравенство, узаконенный идеал этого неравенства, купленная неуправляющая власть, купленная, оболванивающая культура — всё это делает нас страной миллионеров и нищих, сеет ненависть, лишает гражданское единства, терзает подозрительностью и враждой.

ПАРАГРАФ ПЯТЫЙ

Мы подкладываемся к мировой экономической системе, к мировым деньгам, к мировой финансовой энергии, которая должна через концессии и совместный бизнес влиться в наши омертвевшие ткани, окропить нас живой водой. Эти деньги крохотными раскалёнными ручейками вливаются в нашу берестяную и лубяную экономику и испепеляют её. Протачивают для себя каналы, как в воске. И наш социалистический гигант, наш плановый монстр превращается в пенё, изъедённый термитами, наполненный трухой никому не нужных рублей, вневалютных операций. Мировые финансы имеют своих хозяев, своих исследователей, открывателей. Это область огромных познаний, тайно оберегаемых от непосвящённых. Приспёгиваясь к мировым деньгам, мы отдаём себя в руки истинных хозяев мира. Централизм становится фикцией, средством обслуживания: зарубежных negociантов и скупщиков русской пушнины, икон, молибдена.

ПАРАГРАФ ШЕСТОЙ

Оскудение экономики, бедность, полуголодная жизнь, отсутствие перспективы, нравственная и психическая депрессия, безвластие побуждают население к забастовкам. Они ещё отраслевые, захватывают то шахты, то железные дороги, то таксопарки. Но они готовы стать "межотраслевыми", остановить моторы и двигатели в целых регионах, остановить страну в целом. Лукавые политики, знающие законы массовых психозов, своими призывами к всеоюзной стачке нажимают спусковой крючок народных волнений, срывают стоп-кран всей экономической и политической жизни.

Забастовки, страшные сами по себе, чреватые столкновениями с силами порядка и армией, ужасны тем, что таят в себе угрозы крупных технологических катастроф. В прошлом, забастовки путлиовцев и ленских приисковых рабочих, при тогдашнем состоянии техносферы — не грозили взрывами городов и отравлениями рек. Сегодня забастовки на атомных станциях и химических заводах, на нефтепроводах и фабриках боеприпасов грозят чернымибыли невиданной силы. Горящие на горизонтах города, беженцы, спасающиеся от взорванных ядерных котлов, непроизвольные запуски баллистических ракет, убитая на огромных пространствах биосфера — вот что скрывается за всеоюзной стачкой.

ПАРАГРАФ СЕДЬМОЙ

Заключительным аккордом в этой апокалипсической симфонии является гражданская война в СССР — со всей беспощадностью прежней войны, с добавлением новых кошмарных компонентов, привнесённых военно-технической цивилизацией. Мир будет с ужасом взирать на наши кровотокащие пространства, изрыгающие в атмосферу и океаны ядерные и химические

Европы меняет цвета и конфигурацию, и кости русских пехотинцев шевелятся в своих безвестных могилах.

"Философия нового мышления", "примат общечеловеческих ценностей над классовыми" на деле обернулись пренебрежением интересов социалистического государства и утолением амбиций империалистических олигархий. Вторжение американцев в Панаму знаменует новый этап в международных отношениях, когда ослабленный, устрояемый из регионов мира Советский Союз больше не может служить сдерживающим фактором для экспансии буржуазных империй. Множество малых стран и народов, извлекавших пользу из недавнего противостояния, как мыши на дудку, послушно побегут на зов Вашингтона.

Сегодня Советский Союз слаб, как никогда. Кризис семнадцатого года проходил на фоне общемирового кризиса и разрухи. Наш нынешний кризис проходит на фоне мирового процветания.

Вина за провалы пятилетней политики лежит на либералах, бездумно повторивших опыт раз-

рушения централизма. Они, либеральные экономисты, писатели, историки, десятилетиями находясь в оппозиции к собственному государству, ориентируясь духовно и интеллектуально на демократический Запад, слишком мало узнали о собственном народе, о его психологии и подосновании, об угрюмых углах нашего социума, о наших казармах, бытовках, скотных дворах. Они вторглись со своим романтизмом, своим дилетантским нетерпением, с фальшетами своих призывов и лозунгов в глубинный, сокровенный мир народа, где притаились громадные противоречия, страшные незабытые драмы, тончайшие, неучтённые энергии, захваченные из прежних исторических эпох. Вторично либеральная мысль, вскормленная на иной культуре и политологии, пренебрегла генетическим опытом страны и народа, осуществляет безответственный эксперимент.

Катастрофическое сознание есть обыденное сознание сегодняшних дней. Катастрофа дышит в окна, туманит домашние очаги, омывает трибуны съездов, колыбели младенцев. Различные типы личности реагируют на катастрофу различно.

В одних приближение катастрофы рождает паралич. Социальный страх, унаследованный от отцов и от дедов, ценит их, превращает в солёные столбы. И целые части общества окаменели в ожидании бед.

В других катастрофы рождает отчаяние, ненависть, тотальное отрицание, истерию крушения. "Чем хуже, тем лучше" — их клич. Они в своём страдании ускоряют, устроят все явления катастрофы, её проводники, её воплощение. Их цель — разрушение всего сущего до молекулярного, до атомарного уровня.

Третьи, не веря в земные средства, в земное разумное урегулирование, уповают на чудо. Только чудо, по их мнению, может спасти государство, защитить народ. Только Богородица, молещщица земли Русской, может заступиться. Мистические чаяния, прозрения, пророчества, ожидание Мессии, Ангела Небесного, надежда на внезапный проблеск среди чернильной тьмы — таково состояние душ в этих религиозно настроенных группах.

Четвёртый, самый активный, деятельный слой, видя пропасть, слыша её дыхание, оглохнув от рёва преисподней, старается из последних усилий спасти государство и общество. Завернуть у края пропасти маячущий без дорог, без рулевого управления грузовик. Они конвульсивно действуют, создают группы, партии, кооперативы, программы спасения, политические клубы, экологические форумы Они выступают с инициативами, формулами спасения. Этот слой заслуживает самого пристального внимания. Если катастрофа будет замедлена, оползень застынет на половине горы, трещина в реакторе остановится в стальной оболочке — какие рецепты спасения будут предложены обществу? Что они, эти модели, которыми кормятся наши интеллектуалы, за которые хватаются наши политологи и обществоведы? Куда мы пойдём, если останется земля, по которой идти?

Две формулы общественного устройства, два вектора пути, две идеологии развития циркули-

руют в нашем общественном сознании, исповедуются группами интеллектуалов, имеют экономические и социальные проработки, собрали под свои хоругви множество приверженцев, готовы осуществиться в политическом действии.

Одна из них — встраивание в мировое развитие. Большевики революционеры сделали открытие, по которому буржуазная история ведёт в тупик, буржуазная цивилизация обречена на гниение, и будущее этой цивилизации — путь срыс с обломками прежних формаций. Большевики решили выделить Россию из мирового развития, вычленить её в самостоятельную историю, в самостоятельное человечество, в самостоятельную планету, вырвав её, как Луну, из гибнущей, обречённой Земли. Семьдесят лет советской истории — это вычленение, путь к суверенному. К моменту достижения этой суверенности, к семидесятым годам военно-стратегического паритета, мы превратились в Луну, взлетевшую на собственную орбиту. Но, проделав эту титаническую работу по вычленению, израсходовав на неё весь потенциал развития, мы оглянулись и узрели на оставленной Земле не пустырь, а цветущие цивилизации Америки,